

18

ФЪ

93

СА

Б.

41.

ПОЛЬКА

ВЪ ПАРИЖѢ И ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Книга, заключающая въ себѣ исторію развитія
польки и средство выучиться танцовать

Польку

БЕЗЪ ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ,

*по методъ Евгенія Корали, балетмейстера
Королевской Музыкальной Академіи въ Парижѣ.*

**СЪ 8 КАРТИНКАМИ, ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ
ЛИТОГРАФІИ ШОЛЯ ПЕТИ.**

**Перевелъ съ французскаго и дополнилъ замѣчаніями о водвореніи польки
въ Петербургскомъ обществѣ**

Степанъ Троимовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1845.

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 93

ПОЛКА 6

№ 41

№ 170
1845

18.93.6.41

ПОЛЬКА

ВЪ ПАРИЖѢ И ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Книга, заключающая въ себѣ исторію развитія
польки и средство выучиться танцовать

Польку

БЕЗЪ ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ,

по методу ЕВГЕНІЯ КОРАЛИ, балетмейстера
Королевской Музыкальной Академіи въ Парижѣ.

СЪ 8 КАРТИНКАМИ, ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ
ЛИТОГРАФИИ ПОЛЯ ПЕТИ.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО И ДОПОЛНИЛЪ ЗАМѢЧАНІЯМИ О ВОДВОРЕНІИ ПОЛЬКИ
ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

Степанъ Трошиловъ (перевелъ)
Григорьевичъ, Дмитрий
Васильевичъ

САИКТ ПЕТЕРБУРГЪ,

1845.

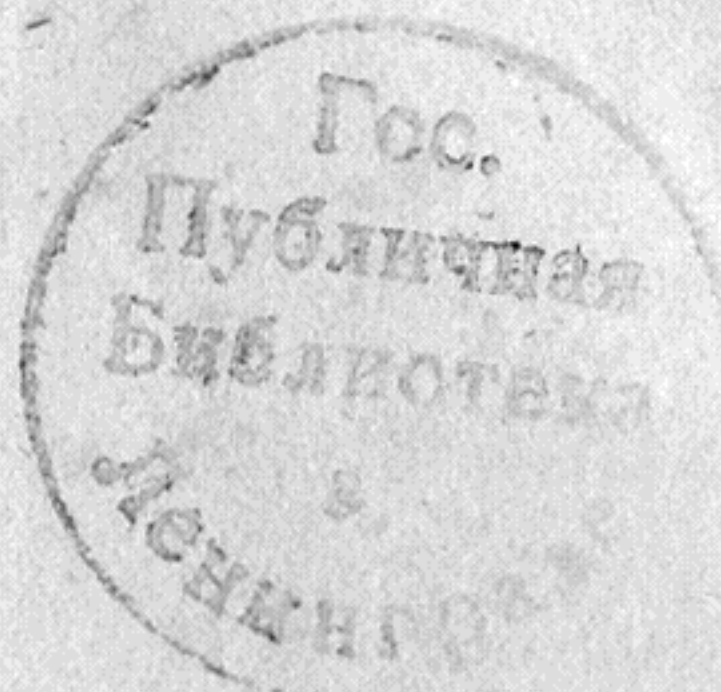
104

1845
1750

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземп-
ляровъ. С. Петербургъ, Января 23 дня 1845 года.

Ценсоръ *Ивановскій*.

Печатано въ типографіи С. Петербургскаго Губернскаго
Правленія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга наша есть переводъ книги гг. Перро и Адриана Робера «La Polka enseignée sans maître, — son origine, son développement, et son influence dans le monde». Русскимъ переводчикомъ прибавлены только глава «Полька въ Петербургъ» и нѣсколько замѣчаній.

Вмѣсто предисловія выпишемъ здѣсь то, что говорятъ гг. Перро и Роберъ въ заключеніи къ своей книгѣ: »И такъ исторія польки окончена! Слава ея »упрочена; мы видѣли какъ она поглотила Парижъ, »съ какою быстротою распространилась по провин- »ціи; полькѣ не достаетъ только общеизвѣстности,

»чтобъ занять мѣсто между вальсомъ и галопомъ,
 »любимѣйшими танцами Европы. Въ столицѣ виною
 »тому не что иное, какъ неумѣренная щепетильность
 »нѣкоторыхъ особъ, которыя, опасаясь обратить на
 »себя вниманіе, или возбудить насмѣшку, не рѣ-
 »шаются по сію пору посѣщать танцевальныя классы.
 »Провинція представляетъ зрѣлище еще печальнѣе:
 »какіе нибудь два или три шарлатана, безъ всякаго
 »хореографическаго знанія *на*, не въ состояніи, раз-
 »умѣется, возбудить къ полькѣ любви и располо-
 »женія публики. Въ слѣдствіе всего сказаннаго,
 »откинувъ въ сторону неумѣстную скромность, мы
 »объявляемъ формально, что книга наша, составлен-
 »ная по методѣ перваго полькиста Европы *Евгенія*
 »*Корали*, не только весьма полезна, но даже необ-
 »ходима для скорѣйшаго распространенія польки.

»Полька дѣйствительно не такъ сложна и запу-
 »тана, чтобы требовала непремѣнной помощи учите-
 »ля; хорошее, вѣрное теоретическое изложеніе всѣхъ
 »ея фигуръ, достаточно для совершеннаго ея знанія.

»Къ довершенію скажемъ, что читатели могутъ
 »быть увѣрены въ точности излагаемыхъ нами пра-
 »вилъ; всѣ подробности и оттѣнки сообщены намъ
 »самимъ г. Корали, которому здѣсь же воздаемъ
 »величайшую нашу благодарность.»

Вотъ что говорятъ гг. Перро и Роберъ; намъ
 нечего прибавлять, ибо книга наша, какъ мы уже
 сказали, есть вѣрный сколокъ съ ихъ книги. Без-
 спорно, при указаніяхъ опытнаго учителя, дѣло мо-
 жетъ идти и легче и скорѣе; но когда нѣтъ и не-
 гдѣ достать учителя? А у насъ еще и въ Пестербур-
 гѣ учителей и учительницъ польки не много; въ
 провинціи же не слышно еще и такихъ, о которыхъ
 упоминаютъ гг. Перро и Роберъ, не только дѣй-
 ствительно знающихъ польку. Для провинціи - то
 мы и посвящаемъ преимущественно свою книгу.

Полька имѣетъ нѣчто общее съ нѣкоторыми из-
 вѣстнѣйшими танцами, — потому, по крайней мѣрѣ
 тѣмъ, кто знаетъ эти извѣстные танцы, книга наша,

текстъ которой поясняется картинками, представляющими разныя *на* польки, — принесеть пользу несомнѣнно. . . .

I.

Исторія польки.

Исторія польки!.... Трудно написать исторію польки, можетъ быть, даже труднѣе, чѣмъ исторію римскаго народа или исторію преферанса. Происхожденіе ея, какъ происхожденіе всѣхъ важныхъ и великихъ открытій, «скрывается во мракѣ неизвѣстности.» Вотъ, однакоже, что рассказываютъ авторы, съ книгою которыхъ мы хотимъ васъ познакомить: справедливы ли ихъ показанія — сказать не можемъ; но къ утѣшенію читателей скажемъ, что не имѣемъ также ничего, чѣмъ бы могли ихъ опровергнуть:

«Два или три года тому назадъ, живописецъ Ипполитъ Дорвилье возвращался изъ путешествія своего по Египту съ лордомъ М*** и двумя пріятелями, какъ вдругъ пароходъ, на которомъ спу-

скались они по Дунаю, вынужденъ былъ остановиться, за неимѣніемъ угля, въ маленькой деревушкѣ по близости Бѣлграда. Неожиданное это происшествіе привело въ восторгъ нашихъ туристовъ. Имъ представился удобный случай посетить Сербію. Всѣ четверо выгружаются на берегъ; молодой Венгерецъ назначенъ имъ проводникомъ и толмачемъ. Но какъ явиться? Подъ какимъ предлогомъ? Неужели пррстыми путешественниками? Этотъ родъ людей можетъ только быть оцѣненъ въ странѣ образованной и просвѣщенной. Совѣтуются; лордъ М*** везъ съ собою молодаго Абиссинца; кто-то предлагаетъ выдать его за египетскаго принца, путешествующаго инкогнито съ своею свитою; сначала смѣются, но потомъ съ радостію принимаютъ предложеніе. Смуглый цвѣтъ абиссинскаго невольника, восточный костюмъ, которымъ они запаслись, все способствовало къ исполненію такого плана. Подъѣзжаютъ къ деревушкѣ; это было въ воскресенье вечеромъ: во всѣхъ концахъ селенія плясали, Національные танцы, быть можетъ, болѣе всего возбуждаютъ любопытство путешественниковъ;

танцы, это нравы народа, изложенные стихами. Такъ думали наши туристы, когда входили въ первую попавшуюся таверну, куда привлекли ихъ звуки скрипки; внезапное ихъ появленіе и странные костюмы, мгновенно прекратили увеселенія поселянъ. Венгерецъ воспользовался замѣшательствомъ и представилъ чужестранцевъ такъ, какъ было условлено прежде. Эффектъ былъ произведенъ; крестьяне и крестьянки по очереди стали подходить, низко кланяясь его африканской свѣтлости, которая съ своей стороны сохраняла всю важность, приличную высокому сану. Когда церемонія кончилась, мнимый египетскій принцъ пригласилъ ихъ снова продолжать пляски.

Бѣдняки чрезвычайно обрадовались предложению, тѣмъ болѣе, что имъ не случалось еще танцовать въ присутствіи такой важной особы. Пыль поднялась со всѣхъ сторонъ, каблуки застучали, дребезжаніе шпоръ не прекращалось. Шпоры — первая мода въ дунайскихъ провинціяхъ. Шпоры не почитаются у нихъ роскошью, но предметомъ столь же необходимымъ, сколько одежда. Дворянинъ или крестьянинъ, все равно! самый бѣдный

не обходится безъ шпоръ; шпоры прежде всего, а сапоги уже послѣ, если Богъ пошлетъ! — Нищіе, въ той чудной странѣ, просятъ милостыню не деньгами, но — шпорами!

Между тѣмъ, крестьяне и крестьянки, взявъ другъ друга за руки, правильною шеренгою приближались къ чужестранцамъ; вдругъ, середина шеренги отступила назадъ, концы ея соединились, и всѣ пары составили одинъ общій кругъ; потомъ кругъ этотъ разъединился и пары, отдѣльно одна отъ другой, стали выполнять разнообразныя и живописныя эволюціи.

Таковъ былъ сербскій танецъ. Наши иностранцы остались имъ совершенно довольны, хотя не могли вполнѣ подмѣтить всей его хореографіи; абиссинскій принцъ былъ болѣе чѣмъ счастливъ. Поселяне, по окончаніи танцевъ, почли за необходимое назначить самую хорошенькую Сербку къ изъявленію благодарности посѣтителемъ за оказанное вниманіе; никто не сомнѣвался, что его свѣтлость щедро наградитъ дѣвушку. Дѣйствительно, принцъ незамедлилъ

опустить руку въ карманъ; но не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ сухихъ орѣховъ, поспѣшилъ вручить ихъ прелестной дикаркѣ.

Путешественники наши не могли удержаться отъ смѣха, видя изумленіе поселянъ; но опасаясь возбудить подозрѣнія, поспѣшили загладить неосторожность доброю горстію полновѣсныхъ монетъ. Было уже поздно; число карабиновъ умножалось съ каждою минутою, брови хмурились, предвѣщая грозу. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, его свѣтлость, въ испугѣ, предпринялъ намѣреніе спастись бѣгствомъ, и какъ-то нечаянно опрокинулъ горшокъ съ водою на сапоги лорда М***. Бывшій министръ, позабывъ долгъ и приличіе, осмѣлился, при помощи колѣна, дать почувствовать мнимому абиссинскому принцу неловкость его поступка. Въ одно мгновеніе, путешественники были окружены со всѣхъ сторонъ; неистовые крики оскорбленныхъ Сербовъ грозили бѣдою, и еслибъ не явился капитанъ парохода съ многочисленною толпою матросовъ, туристы дорого заплатили бы за неумѣстную любовь свою къ національнымъ танцамъ.

Возвратясь во Францію, путешественники наши находили неизъяснимое удовольствіе рассказывать это происшествіе; но можете себѣ представить ихъ изумленіе, когда они увидѣли въ Парижѣ тотъ же самый сербскій танецъ, которымъ восхищались за нѣсколько недѣль въ деревушкѣ Бѣлграда! Танецъ этотъ пользовался уже всѣми преимуществами послѣдней моды, поглощаль театры, сводилъ съ ума весь городъ. Однимъ словомъ, онъ былъ ни что иное, какъ—

ПОЛЬКА!!! —

полька, которая нѣсколько мѣсяцевъ сряду занимаетъ парижскую публику, интересуется провинцію, и успѣла въ короткое время обогатить нѣсколькими сотнями тысячъ главныхъ жрецовъ своихъ!!! Полька также стара, какъ земной шаръ, но имѣетъ въ себѣ что-то особенное, что-то напоминающее поэзію — древней Германіи. Еслибъ она была созданіе какого-нибудь танцевальнаго учителя, мы не стали бы удѣлять ей столько времени и мѣста, потому-что не вѣровали бы въ продолжительность ея существованія. Но полька не есть прихоть, или пустов

изобрѣтеніе, рожденное утромъ и забытое вечеромъ. Огромная популярность въ одной изъ самыхъ поэтическихъ и прихотливыхъ странъ міра дала ей положеніе, котораго не въ состояніи поколебать ни выходки водевиллистовъ, ни даже — капризы женщинъ.

Нельзя утверждать, чтобы полька должна была понравиться всѣмъ націямъ, безъ исключенія; но рѣшительно не понятно, почему она менѣе можетъ быть доступна Французамъ, нежели вальсъ, старшій ея братъ, рожденный съ нею въ одной колыбели.

Чтожь касается до ея исторіи, скажемъ только, что начало польки теряется въ мракъ времени. Гдѣ, какимъ образомъ она получила существованіе? никто не знаетъ. Однако маленькій топоръ, неразлучный съ Венгерцами, когда они танцуютъ ее, какъ намъ кажется, достаточно свидѣтельствуетъ о ея древности, ибо мы встрѣчаемъ это оружіе во всѣхъ пляскахъ сѣверныхъ варваровъ. Быть можетъ (принимая въ соображеніе названіе) она получила начало въ Польшѣ; но какъ бы то ни было, ее танцу-

ютъ теперь не только во всей Германіи, но даже и во всей Европѣ. Венгерцы и Богемцы въ особенности мастерски танцуютъ польку.

Въ Богеміи сорокъ или пятьдесятъ паръ сходятся вмѣстѣ; танецъ открывается одною парою, потомъ присоединяется къ ней другая, потомъ третья и т. д. Каждая пара танцуетъ отдѣльно, независимо отъ другой, и подъ конецъ, смѣшеніе паръ составляетъ разнообразнѣйшій и чудеснѣйшій *сюр д'œil*. Это *на* чрезвычайно сходно съ тѣмъ, которое танцуются въ нашихъ гостиныхъ. Венгерцы же, какъ мы сказали выше, танцуютъ польку съ маленькимъ топоромъ, дѣлая имъ во все время быстрыя движенія вправо и лѣво и упираясь на него, когда преклоняютъ колѣно. Топорикъ этотъ, отмѣненный въ театрахъ нашихъ диллетантизмомъ, необходимъ однако для соблюденія археологической точности. Положимъ, онъ лишній въ гостинной; но на сценѣ, гдѣ требуется историческая вѣрность костюма, не слѣдовало упускать его изъ виду».

II.

Водвореніе польки въ Парижъ.

Полька вступила въ Парижъ безъ особенныхъ церемоній и кликовъ народа.

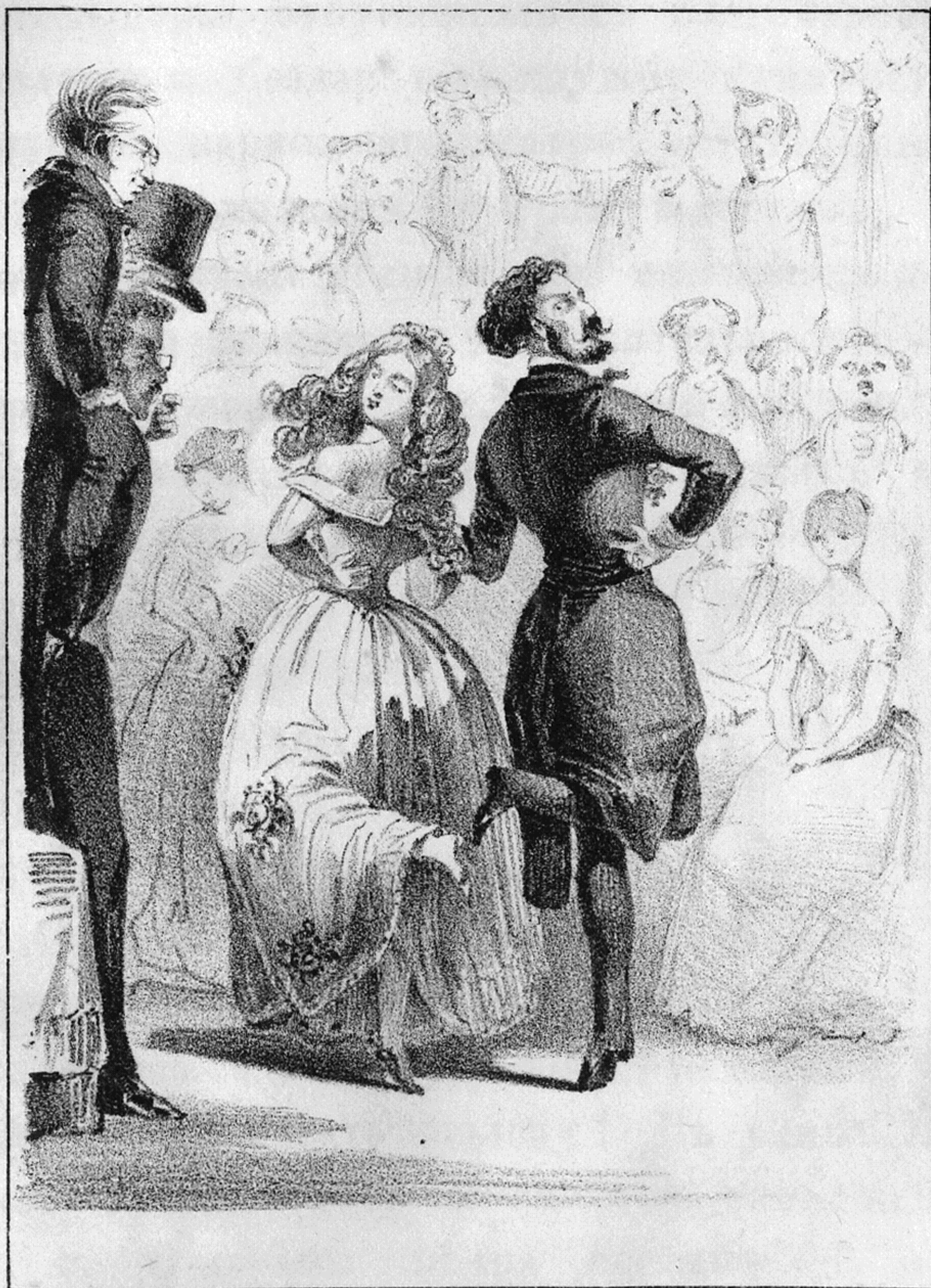
Ни единое чудо не предзнаменовало ея появленія: собаки не выли, какъ послѣ смерти Цесаря; камни не были опрокинуты сильнымъ порывомъ вѣтра, какъ то случилось при послѣднемъ вздохѣ Макбета.

Великія событія вообще любятъ инкогнито; одни только горы, беременныя мышами, прибѣгаютъ къ громозвучной торжественности.

Полька, могучая своею совѣстію и геніемъ, преспокойно пріѣхала въ дилижансѣ Лафитъ и Кальяръ, въ образѣ простаго смертнаго, по происхожденію Поляка. Въ одинъ прекрасный вечеръ Поляку вздумалось сообщить свои знанія двумъ или тремъ пріятелямъ; на слѣдующій же

день польку танцовали во всѣхъ парижскихъ салонахъ при грохотѣ рукоплесканій.

Едва успѣли произнести имя молодой чужестранки, какъ уже во всемъ Парижѣ произошла революція; все забыто! Демонъ польки овладѣлъ Парижанами совершенно: бѣгали по городу, въ надеждѣ получить объ ней вѣрныя свѣдѣнія; женщины сходили съ ума, съ дѣвушками дѣлались спазмы; однимъ словомъ, Парижъ можно было принять за домъ умалишенныхъ. Неистовыми криками призывали польку; танцмейстеры, осаждаемые утромъ и вечеромъ, рѣшительно не знали которому изъ святыхъ поручить себя, чтобы только избавиться отъ докучливыхъ преслѣдователей; съ каждымъ днемъ жизнь ихъ подвергалась большей опасности; за дверьми несчастныхъ не умолкалъ ревъ толпы: нѣкоторыхъ изъ нихъ обвиняли въ измѣнѣ за то только, что они не знали польки. Два вѣка тому назадъ, ихъ просто, безъ всякой церемоніи, побивали камнями за дерзость съ какою они принимаютъ на себя званіе танцора, необладая знаніемъ танцевъ того и другаго свѣта.

НАЧАЛО БАЛА . ПЕРВАЯ ПОЛЬКА .

Л
И
С
Т
И
Н
Б
И
О
Г
Р
А
Ф
И
Ч
Е
С
К
И
Е
И
З
Д
А
Н
И
Я

Гос.
Публичная
Библиотека
Ленинград.

Около того времени старый фигурантъ Большой Оперы, отпущенный съ благодарностію за «долгую и бездарную» службу администраціею главнаго парижскаго театра, сталъ прислушиваться къ толкамъ и разсужденіямъ, пробовалъ, склеивалъ, исправлялъ и наконецъ кончилъ тѣмъ, что произвелъ дѣйствительно что-то похожее на польку; на слѣдующій же день можно было читать въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Парижа слѣдующія слова:

УРОКИ ПОЛЬКИ.

О счастье! и такъ полька не есть миѳъ, полька сдѣлалась общимъ достояніемъ, и принадлежитъ къ кореографіи; наконецъ, можно учиться танцовать польку! Въ улицѣ Вивьенъ нѣтъ прохода отъ множества экипажей, зала г. Селаріуса полна посѣтителей и посѣтительницъ. Уроки польки смѣняются непрерывно. Жены прибѣжали сюда потихоньку отъ

мужей, мужья потихоньку отъ женъ; ничто не въ состояніи удержать ихъ: ни дурная репутація вивьенскаго бала, ни общество фигурантокъ, ни поздній часъ ночи, — все вздоръ, когда есть средство поучиться танцовать польку! — Словомъ, увлеченіе было такъ велико, что самъ г. Селаріусъ добровольно повинился въ полученіи отъ польки тридцати тысячъ франковъ. Можете себѣ представить, сколько онъ получилъ дѣйствительно! . . .

III.

Жебольшая исторійка.

Съ нѣкоторыхъ поръ маркизу М*** поведе-
деніе жены показалось страннымъ, мистическимъ;
если ему случалось смотрѣть на нее пристально,
она тотчасъ же отворачивала голову; если онъ
спрашивалъ ее «гдѣ она была? куда ѣдетъ» —
она не знала что отвѣчать, и видимо смущалась;
кончилось тѣмъ, что они поссорились и маркиза
объявила мужу свои права на свободу и неза-
висимость. Маркизь не смѣлъ прекословить, по-
тому — что имѣлъ несчастіе любить жену болѣе
чѣмъ слѣдуетъ. Они не говорили цѣлый день.
Вечеромъ легли отдыхать, повернувшись другъ
къ другу спиною, и молчали до тѣхъ поръ, по-
ка легкое дыханіе маркизы, подобное вечерне-
му зефиру, не удостовѣрило мужа, что супруга
его покоится сладкимъ сномъ.

— Она спитъ, думалъ маркизъ, и она можетъ еще спать! Сердце женщины какъ бездна, наполненная измѣною и ложью. Она меня обманываетъ, я въ этомъ увѣренъ; она измѣняетъ священнѣйшимъ узамъ супружества, и — осмѣливается спать! О! я охотно пожертвовалъ бы двадцатью годами жизни, чтобы знать коварнаго ея оболъстителя! Господи! Господи! кто онъ?.. Не графъ ли Юлій? — Нѣтъ, она находитъ его прекраснымъ; еслибъ она его любила, то вѣрно не стала бы хвалить — при постороннихъ, а скорѣй бранила бы, какъ бранить маркиза Анатоля. — Маркизъ Анатоль? — Нѣтъ, я знаю, онъ влюбленъ въ другую. О! какое мучительное состояніе! Я, который такъ страстно любилъ ее; который скорѣе былъ любовникъ нежели мужъ; каждую минуту готовъ былъ жизнью жертвовать по первой ея прихоти. . . И теперь — что же? обмануть, да! обмануть безжалостно! О женщины! женщины! чѣмъ болѣе васъ любишь, тѣмъ беспощаднѣе вы обманываете! . . .

Въ ту самую минуту блѣдный лучъ луны

робно проскользнулъ сквозь кисейныя гардины кровати и освѣтилъ безподобное личико маркизы.

— Какъ она прелестна! продолжалъ маркизъ: какъ нѣжны и невинны черты ея лица! Блѣдное, осѣненное каштановыми кудрями, не дышетъ ли оно ангельскимъ спокойствіемъ? Не угадываешь ли очаровательную голубизну ея глазъ, глядя на длинныя эти рѣсницы? Какъ легко дыханіе, воздымающее нѣжныя ея перси! Какая небесная улыбка блуждаетъ на устахъ ея! И когда подумаешь, что все это прикрываетъ столько коварства..... О! нѣтъ, быть не можетъ! Впрочемъ куда же можетъ она уходить каждый вечеръ?

Маркизъ терялся въ догадкахъ; но не рѣшивъ ничего, послѣдовалъ, за неимѣніемъ лучшаго, совѣту, которымъ честный Яго надѣлилъ Венеціанца Родриго: легъ спать; но сонъ не приходилъ. Вдругъ пробило полночь.

— Жоржъ! сказала маркиза въ полголоса.

— И такъ она не спитъ: она притворялась! подумалъ мужъ.

— Жоржъ, слышишь-ли?

Онъ молчалъ. Въ одну секунду маркиза спрыгнула на полъ, сама надѣла платье и ботинки, чего съ нею никогда не случалось, и подошла къ туалету. Видя все, маркизъ готовъ былъ разыграть скандалезную семейную сцену; но подумавъ нѣсколько, предпочелъ остаться зрителемъ и ожидать развязки; онъ даже выпускалъ по временамъ довольно громкое храпѣнье, чтобы совершенно отстранить подозрѣнія клятвопреступницы. — Наконецъ, маркиза набросила на нѣжныя свои плечики турецкую шаль, открыла потихоньку двери и — исчезла. Спрыгнуть съ кровати, одѣться наскоро и броситься по слѣдамъ жены — было маркизу дѣломъ одной минуты. Онъ вышелъ изъ комнаты и увидѣлъ, что она сходила по лѣстницѣ; на подъѣздѣ ждала горничная. Пройдя нѣсколько шаговъ, обѣ онѣ сѣли въ карету, которая, казалось, была заранѣе приготовлена и повернула въ улицу Гренель-Сень-Жермень. Маркизъ сталъ на запятки. Послѣ часа ѣзды, который, разумѣется, показался раздраженному супругу цѣлымъ мѣсяцемъ, ка-

рета остановилась у входа въ бульваръ. «Такъ здѣсь!» подумалъ онъ, и отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ.

Объ женщины дѣйствительно вышли изъ кареты, но продолжали путь пѣшкомъ. Остановившись по срединѣ улицы Гранжъ-Бательеръ, онъ вошли въ одинъ домъ, довольно богатой наружности; маркизъ поспѣлъ именно въ то самое время, какъ за ними уже заперли двери.

Убѣдившись въ своемъ несчастіи, онъ сначала не зналъ, сжечь ли ему проклятый домъ, куда скрылась измѣнница, или застрѣлиться самому? Но потомъ, отложивъ оба эти намѣренія, вернулся домой; дома онъ открылъ толстый томъ свода законовъ, прочелъ раза четыре сряду главу о разводѣ, и предался мечтаніямъ, которыхъ мы, къ удовольствію читателей, пересказывать не будемъ. Облегчивъ такимъ образомъ свою грудь, онъ взялъ бумагу и сталъ писать; то, что онъ писалъ, не было еще окончено, когда маркиза возвратилась домой.

Увидѣвъ мужа, одѣтаго и бодрствующаго, она вскрикнула и хотѣла бѣжать; но маркизъ

остановилъ ее, упросилъ остаться и въ короткихъ словахъ объявилъ, что ему нужно посоветоваться съ нею о важномъ дѣлѣ.

— Что такое? спросила она, испугавшись строгаго тона, съ какимъ говоритъ маркизь: — что такое?

— Взгляните, отвѣчалъ онъ, подавая ей исписанный листъ.

— Что я вижу! Просьба о разводѣ? Что все это значить?

— То, сударыня, что послѣ всего случившагося, мы не можемъ оставаться вмѣстѣ.

— Но, Жоржъ, вы съума сошли! вскричала маркиза, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Нѣтъ, сударыня, я несумашедшій; правда, я былъ безъ ума, когда вѣрилъ вашимъ увѣреніямъ, вашей любви. . . . Но, прибавилъ онъ, невольно смутившись, вамъ нечего опасаться; я васъ слишкомъ любилъ. . . . и не заставлю васъ краснѣть передъ людьми; посмотрите, я оставилъ пустое мѣсто тамъ, гдѣ должна быть означена причина развода, съ тѣмъ, чтобы вы сами опредѣлили ее.

— О! я во всю жизнь не забуду столь благороднаго поступка! отвѣчала маркиза, взявъ его за руку.

— Я этаго не требую отъ васъ, сударыня; потрудитесь только написать, что вамъ заблаго-разсудится.

— Хорошо, сказала она, взявъ перо и готовясь писать.

— О Боже! думалъ маркизь, она дѣлаетъ это такъ охотно, она не думаетъ даже просить прощенія!

— Готово! сказала маркиза, возвращая мужу бумагу.

Дрожащею рукою взялъ онъ листъ; глаза его помутились; не желая впрочемъ казаться слабымъ, онъ прочелъ довольно твердымъ голосомъ:

«Итакъ, я требую развода..... въ слѣдствіе..... въ слѣдствіе.....» Что я вижу? Что вы написали, сударыня?.....

— *Въ слѣдствіе польки.*

— Что это значитъ?

— То, милостивый государь, что домъ, куда я ѣздила почти каждый вечеръ, не что иное, какъ

Большая Опера, — г. Корали учить меня тамъ танцовать польку. Не должна ли я была написать, что мы разлучаемся въ слѣдствіе польки?

Миръ, какъ можно себѣ представить, незамедлитель снова соединить супруговъ; но за то можно сказать утвердительно: *полька послужила предлогомъ многимъ исторіямъ, имѣвшимъ развязку и совершенно противную....* Всякое нововведеніе такого рода неизбежно обрушивается на голову бѣдныхъ мужей. Сколько хлопотъ, расходовъ и — что всего важнѣе — сколько ежеминутнаго трепетнаго и часто не безпричиннаго страха!!! Между учителями польки бывають и молодые люди, съ весьма красивенькими усиками; между женами.... бывають всякія! А бѣдный мужъ!.... Онъ нечаянно входитъ въ комнату, гдѣ жена его изучаетъ польку. Она и ея учитель въ ту минуту находятся въ положеніи, предписываемомъ условіями того или другаго «па», которыхъ онъ — злополучный мужъ! — не знаетъ. Волосы учителя сбились просто отъ слишкомъ усердныхъ прыжковъ; щеки жены какъ-то неестественно разрумянились, безъ всякаго сомнѣ-

нія, не отъ чего болѣе, какъ отъ той же при-
чины; въ глазахъ ея не болѣе, какъ слѣды уста-
лости отъ продолжительности танца, — а между
тѣмъ представьте себѣ положеніе нечаянно во-
шедшаго мужа . . . Бѣдный мужъ! Зачѣмъ стекла
очковъ твоихъ не даютъ тебѣ средства видѣть,
что дѣлается въ твое отсутствіе?...

IV.

Уроки польки.

Какъ бы то ни было, полька въ короткое время сдѣлалась въ Парижѣ отраслью кореографіи; незамедлило явиться безчисленное множество учителей польки. Отъ самаго ничтожнаго танцмейстера, до великихъ мастеровъ искусства Терпсихоры — всѣ вызываються обучать танцовать *польку*.

Каждый кварталъ, каждая улица обзавелась своимъ учителемъ польки; не трудно вообразить, сколько между ними шарлатановъ, сколько людей, посвященныхъ въ таинства всѣхъ художествъ, за исключеніемъ польки. Одинъ изъ нихъ, вызвавшись обучать «модному танцу», въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ обманывалъ жителей квартала *le Marais*, показывая имъ *канканъ*;

НЕ МОГУ-СЪ. БОЛЬШЕ-СЪ, МАМЗЕЛЬ КАРОЛИ
НЪ-СЪ! ИШО НИМНОШКЕ!..... VOILA!

Гос.

Публичная
Библиотека

Ленинград

такъ что дѣвственная молодежь той части Парижа, въ виду родителей и съ родительскаго соизволенія, предавалась со всѣмъ жаромъ юности опасному *па*, къ которому еще въ колыбели вселяли въ ней отвращеніе.

Чтожь касается до настоящихъ уроковъ польки, то въ Парижѣ, по словамъ нашего автора, можно указать только два мѣста: залу г. Селаріуса и Лаборда; тамъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, покажутъ вамъ танецъ, который не похожъ на краковякъ, на стирійскій *па*, на гавоть, на пляску Савояръ, на вальсъ, на галопъ, на канканъ; но посвятятъ васъ во всѣ таинства настоящей польки. — Изъ двухъ поименованныхъ господъ, авторъ нашъ отдаетъ рѣшительное преимущество г. Лабордо, ссылаясь на то, что его метода проще — и называетъ польку, показываемую имъ, приличнѣйшею для салоновъ.

V.

Коръ-де-балетъ въ Сенъ-Жерменскомъ
предмѣстьи.

Между дамами высшаго парижскаго круга и «дамами» парижской Оперы издавна существовали, по словамъ нашего автора, непріязненныя отношенія — зависть, ненависть, презрѣніе. Польша — ихъ примирила!

Энтузіазмъ, овладѣвшій Парижемъ при появленіи польки, не имѣлъ границъ. Не было дамы, какое бы не занимала она мѣсто въ обществѣ, которая не искала бы случая быть посвященною въ новое таинство. Польша находилась въ рукахъ жрицы Терпсихоры, и овладѣть ею можно было не иначе, какъ прибѣгнувъ къ театральнымъ дамамъ; одинъ коръ-де-балетъ хранилъ священный залогъ чужеземнаго танца и

потому, не смотря на прежніе предразсудки, высшее парижское общество ударило челомъ кордебалету. Считая однако неприличнымъ разъѣзжать по танцклассамъ, аристократки сочли за лучшее приглашать театральныхъ дамъ въ свои отели; съ той минуты не Сень-Жерменское предместье стало посѣщать Большую Оперу, но Большая Опера стала, по приглашенію, являться въ Сень-Жерменское предместье.

Странно было, говорятъ гг. Перро и Роберъ, смотрѣть на молоденькихъ нашихъ танцовщицъ, одѣтыхъ въ простыя платья и занимавшихъ въ салонахъ довольно значительное мѣсто; странно было видѣть, какъ рука объ руку танцуютъ онѣ съ нашими аристократками, направляютъ ихъ и открываютъ имъ завѣтнѣйшія тайны *на*, на примѣръ—какимъ образомъ выгодно выказать всѣ прелести хорошенькой ножки. Но за всѣмъ тѣмъ нельзя однако не замѣтить, что сближеніе сцены съ гостиной производитъ бездну комическихъ сценъ; не однѣ дамы отдавали справедливость молоденькимъ нашимъ артисткамъ; супруги ихъ, особенно тѣ, которые уже не въ пер-

вой молодости, не могли пропустить безъ вниманія прелестей закулисныхъ грацій; стоило посмотреть, какъ старыя эти волокиты разсыпали передъ ними запасъ острогъ восемнадцатаго столѣтїя!

— Сударыня, говорилъ такой - то маркизь одной изъ самыхъ хорошенькихъ фигурантокъ: ради самаго неба, возьмите какъ можно скорѣе эту записку.

— Какую записку, господинъ маркизь?

— Гм! жестокая, ту которую тщетно силюсь цѣлые полчаса сунуть вамъ въ руку.

— Что же заключается въ вашемъ письмѣ, господинъ маркизь?

— Душечка, тигрица, ангель! ради Бога возьмите его скорѣе.

— Фи! замолчите: маркиза на васъ смотритъ.

— Э! чортъ возьми! Но нѣтъ, она полькируетъ ради всѣхъ святыхъ, возьмите записку Безчеловѣчная!

— Вы непременно этаго требуете?

— Да, ангель.

— Смотрите же, если вы не перестанете мнѣ

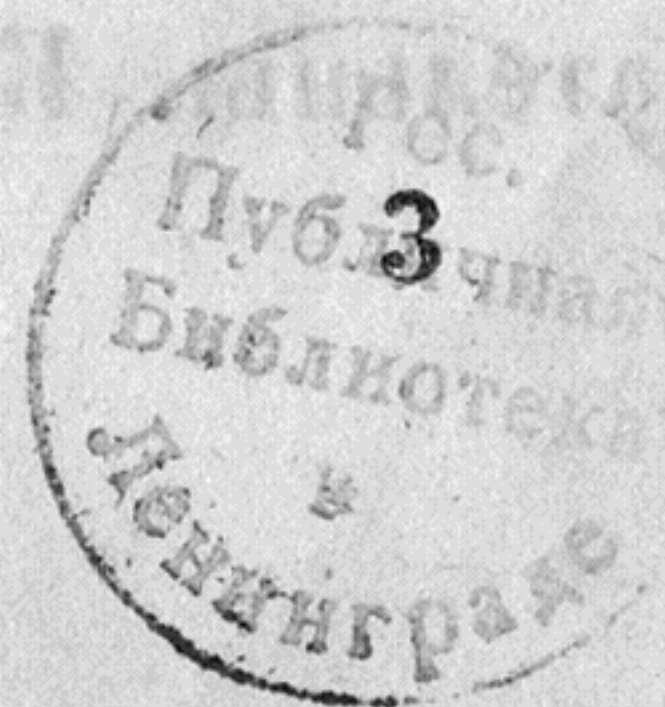
надоѣдать, я уроню его на самой серединѣ гостиной.

— Вы не смѣете этаго сдѣлать, коварная.

— Попробуйте!

— Хорошо но нѣтъ, ради Бога, не шутите!

Но уже было поздно: хитрая дѣвушка овладѣла письмомъ и, подойдя къ маркизу, нарочно вертѣла его въ рукахъ; то роняла его, то снова поднимала и вертѣла тоненькими своими пальчиками, — а маркизъ . . . можете представить его положеніе! онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, холодный потъ выступалъ крупными каплями на лбу его, и Богъ знаетъ, что случилось бы съ престарѣлымъ волокитою, еслибъ артистка не сжалилась надъ нимъ въ самую критическую минуту и не бросила письма въ каминъ. Долгъ справедливости повелѣваетъ однакожь прибавить, что черезъ три дня авторъ письма былъ уже счастливѣйшимъ на ту пору ея поклонникомъ и упрекалъ ее за эту жестокость.

VI.

При какихъ условіяхъ полька можетъ быть
выполнена въ совершенствѣ.

«Чтобы хорошо танцовать польку, легкость
мужчины, грація и легкость женщины недоста-
точны: необходимо, чтобы танцующіе понима-
ли другъ друга, имѣли одну и ту же душу, од-
но желаніе, одну цѣль; другими словами.... но
прежде объяснимся подробнѣе....

Не смотря на положительныя правила,
полька не можетъ быть доступна каждому;
исполненная со всею правильностію и мате-
матическою точностію, она весьма - часто пока-
жется самымъ скучнымъ и монотоннымъ *па*;
она хороша тогда только, когда исполнители ея
дѣйствуютъ душа въ душу, ловки, смѣлы и вни-
мательны. Какимъ же образомъ соединить исчи-

сленныя условія, — не для того, чтобы танцовать въ тактъ. . . нѣтъ! одного такта въ полькѣ недостаточно! — но для того, чтобы угадывать желанія, инстинктивно понимать другъ друга и дѣйствовать подѣ вліяніемъ вдохновенія?

Не опасаясь нисколько впасть въ парадоксъ, скажемъ, что для совершеннаго выполненія польки, кромѣ искусства танцующихъ, необходимо, чтобы души ихъ сливались воедино, словомъ, чтобы они были влюблены.»

Такъ говоритъ французскій авторъ книги о Полькѣ, человекъ очень пылкій и рѣшительный; — но, по нашему мнѣнію, довольно кажется и того, чтобы танцующіе другъ другу нравились . . .

VII.

Полька за заставою.

Какъ мы видѣли, полька проникла въ Парижъ всюду: самый воздухъ былъ напитанъ полькою; въ одинъ прекраснѣйшій день она появилась и за заставою.

»Здѣсь (замѣчаетъ нашъ авторъ) прелестная читательница, вѣроятно, броситъ книжку съ презрительною улыбкою.

»Какъ! скажетъ она, и послѣ того осмѣливаются мнѣ говорить о полькѣ? За кого же меня принимаютъ? Кто будетъ столь дерзокъ, что осмѣлится предложить мнѣ учиться полькѣ?

»Успокойтесь, маркиза — графиня — баронесса — или просто сударыня — я вовсе не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ!

»Правда, полька была исполнена за заставою; но знаете-ли къмъ? Главнымъ ея жрецомъ, са-

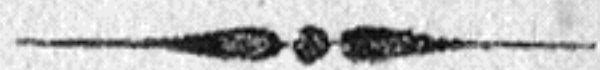
нимъ г. Корали и прелестною А. Б. * * * изъ Королевской Музыкальной Академіи.

«Однажды великій маэстро, танцующій польку лучше всякаго Венгерца, прогуливался за заставою, ломая голову, какъ бы примѣнить польку къ требованіямъ нашихъ салоновъ; онъ никакъ не могъ схватить одной аттитюды, и былъ въ страшномъ негодованіи на самого себя. Вдругъ фіакръ проѣзжаетъ мимо; въ немъ сидѣла г-жа Б.*** Броситься къ экипажу, остановить лошадей и исторгнуть изумленную дѣвушку — было для артиста дѣломъ одной минуты. Наконецъ, узнаютъ другъ друга, объясняются и вскорѣ принимаются танцовать польку, не взирая на камни, неровность дороги, лай собакъ и присутствіе лѣсничаго, который не зналъ что думать о такомъ странномъ событіи.

«Такимъ - то образомъ польку танцовали за заставою, и маэстро, счастливо вдохновившійся, нашелъ тутъ искомую аттитюду».

«Впрочемъ, бываетъ здѣсь полька и болѣе приличная мѣсту, и тому сорту посѣтителей, которые любятъ прогулки за заставу. Особенно

въ праздничные дни можете встрѣтить здѣсь картины, поразительно интересныя . . . И все по поводу польки. Даже люди очень почтенные, степенныхъ лѣтъ и необозримо-благонадежныхъ размѣровъ , которыхъ фигуры столько же не удобны для польки, сколько и топорно-неуклюжій, тяжеловѣсный костюмъ — даже такія особы пускаются въ плясъ и пляшутъ съ остервененіемъ.. «О, небо! мнѣ кажется платье мое рвется!..» — А знаете-ли, что у меня уже кажется лопнуло колѣнко? Это ужасно, это разорительно! я думаю , что польку могутъ танцовать только люди богатые , или наконецъ дикіе ! » — И говоря это, почтенная пара, нѣсколько огорченная приключеніями съ костюмомъ, продолжаетъ однакожь танцовать польку до послѣдней возможности.

ПОЛЬКА ЗА ЗАСТАВОЙ .

Гос.
Публичная
Библиотека
Ленинград

VIII.

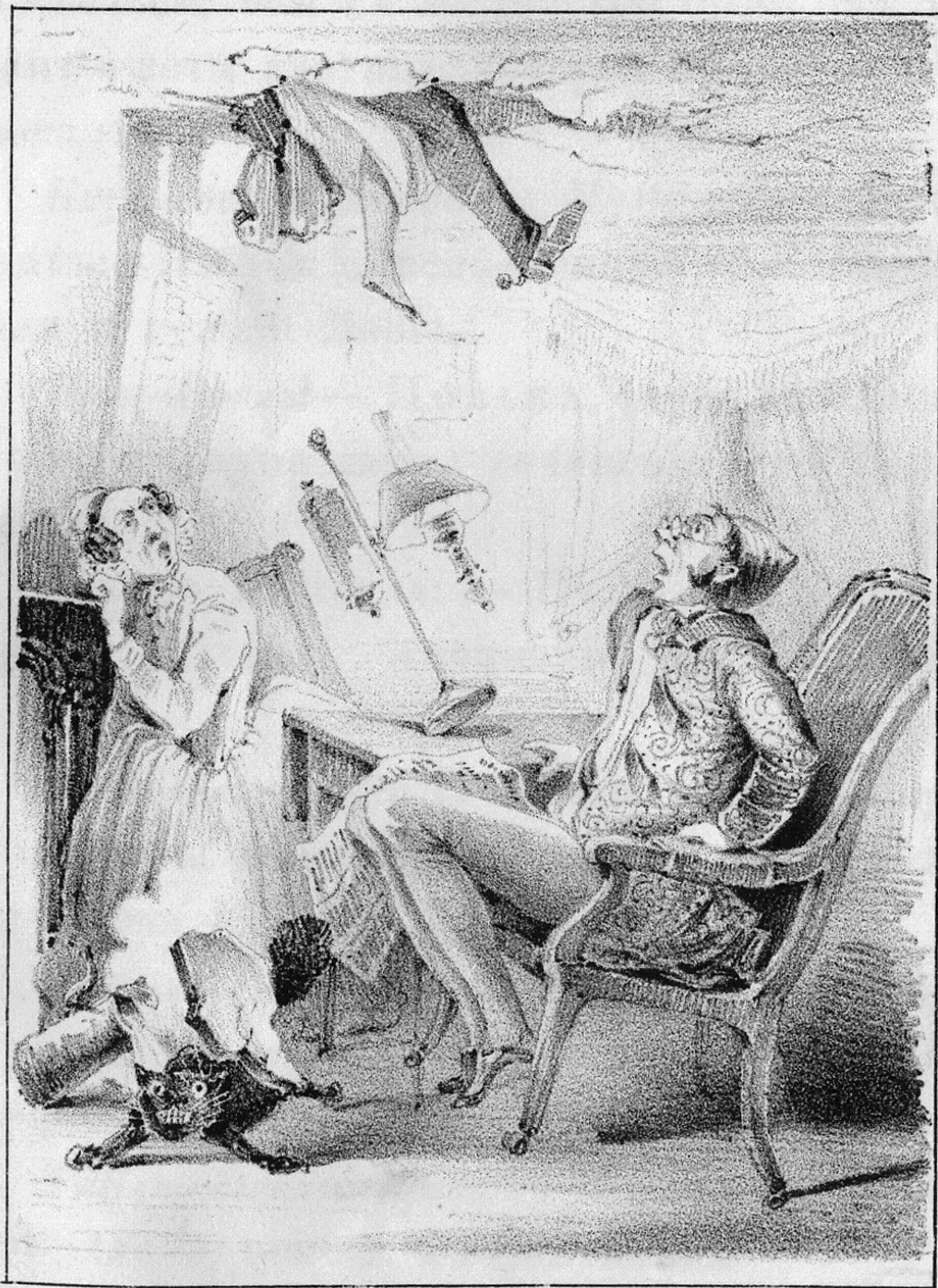
Полька на театрахъ.

Какъ мы говорили, полька распространяется всюду; но не все жители Парижа благословляютъ ея появленіе. Люди раздражительные, холодные, принимающіе каждую бездѣлицу къ сердцу, были рѣшительно въ отчаяніи. Полька преслѣдовала ихъ всюду: въ гостиныхъ, въ обществѣ, въ кофейныхъ, на улицахъ, вездѣ говорили о полькѣ; фельетонисты и журналисты ни о чемъ такъ много не говорили; на бульварѣ ихъ останавливали, чтобъ вручить имъ билетъ въ танцевальный классъ г. Селаріуса; нуждался ли кто нибудь изъ нихъ въ галстухъ, тотчасъ же показывали ему галстухъ а la Polka (то же самое было и съ жилетами). Наконецъ стѣны домовъ, сверху до низу были оклеены афишками и объ-

явленіями о полькѣ. Въ отчаяніи, въ бѣшенствѣ, возвращались ненавистники польки домой; какъ нарочно, какой-нибудь танцовальный учитель давалъ подъ ихъ комнатою урокъ польки.

Случались исторіи и еще болѣе страшныя, причиною которыхъ была все таже полька. Одинъ почтенный супругъ, сидя въ креслахъ противъ своей супруги, спокойно наслаждался чтеніемъ газеты, стараясь не обращать вниманія на шумъ, происходившій надъ его головою въ верхнемъ этажѣ. Вдругъ — страшный стукъ, часть потолка проваливается и оттуда изумленному взору представляются двѣ ноги, продолжающія дотанцовывать польку — на воздухъ; обломки потолка произвели страшный беспорядокъ въ мебели; однимъ осколкомъ попало въ кошку, отчего она страшно завизжала... А супруги? Съ разинутыми ртами, въ неподвижномъ оцѣпененіи другъ противъ друга — они нѣсколько минутъ представляли совершенное олицетвореніе ужаса и отчаянія. Весь Парижъ говорилъ о нихъ почти цѣлый день!

Въ порывѣ горести, ненавистники польки

ГОВОРИЛЪ Я, ЧТО ПРОШИБУТЬ!

Гсс.
Публичная
Библиотека
Ленинград

прибѣгали къ театрамъ, думая найти тамъ случай разсѣяться; они съ жадностію бросались къ афишамъ и вотъ картина, которая представилась ихъ взорамъ:

Королевская Академія Музыки: — Дивертисментъ: Полька, исполненная г. Евгеніемъ Корали и г-жею Маріа.

Пале-Рояль: — Полька, фарсъ въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами, сочиненіе гг. Вермона и Герата.

Театръ Водевилья: — Полька въ провинціи, шутка водевиль, сочиненіе гг. Комберусса и Кордые.

Variétés: — Три Польки, водевиль (аргорос) въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе гг. Кармуша и Сарандена.

Gimnase: — Танцовщица Зеліа, водевиль, украшенный танцами и польками разнаго рода, сочиненіе г. Гербомонъ.

Folies-Dramatiques: — Полька, исполненная г. Вилло и г-жею Флорентиною.

Dé lassements-Comiques: — Полькисты, водевиль (аргорос) гг. Клервиля и Гене.

Театръ г. Конта: — Польшка большаго свѣта, поставленная на здѣшнюю сцену г. Сіо, исполненная всѣмъ коръ-де-балетомъ; за ней послѣдуетъ мазурка, исполненная г. Фіантомъ (семи лѣтъ) и г-жею Клориндою (восьми лѣтъ).

La Porte-Saint - Martin, la Gaité, — даже *Одеонъ*, имѣли каждый свою Польшку. Нѣтъ сомнѣнія (хотя въ афишѣ ничего не было сказано), что въ циркъ *Франкони*, г. Боше, вмѣсто того, чтобы учить жеребца своего Солимана разнымъ эволюціямъ, показываетъ ему польку.

У насъ въ Петербургъ также было три водевиля, сюжетомъ которымъ послужила полька и въ которыхъ танцуютъ польку. — Всѣ три очень понравились публикѣ за граціозность и разнообразіе этаго новаго для насъ танца. Ниже мы будемъ говорить подробно о полькѣ въ Петербургъ.

IX.

Человѣкъ безъ имени.

Полька также сильно распространяется во французскихъ провинціяхъ. Вотъ исторія о страстующемъ прикащикѣ, рассказываемая по этому случаю авторами, книгу которыхъ передаемъ мы нашимъ читателямъ.

«Уже нѣсколько мѣсяцевъ одинъ человѣкъ объѣзжаетъ всю Францію, а мы еще не знаемъ его; ежедневно сталкиваемся мы съ нимъ на улицѣ, въ театрѣ, на бульварѣ и не умѣемъ отличить его изъ тысячи ремесленниковъ, составляющихъ мистическую часть парижскаго народонаселенія, нравы которыхъ ускользаютъ отъ насъ Откуда онъ явился? — Неизвѣстно. — Чѣмъ онъ занимается? — Также никто не знаетъ. Его можно встрѣтить почти во всѣхъ

кофейныхъ, театрахъ и концертахъ; руки его бѣлы, какъ у чловѣка высшаго круга; одежда его хотя чрезъ чуръ эффектная, показываетъ въ немъ однако чловѣка со вкусомъ; къ довершенію, онъ весьма - хорошо говоритъ по французски и произноситъ слова съ удареніемъ на *р* и *с*; ясное свидѣтельство, что онъ родился въ какомъ-нибудь парижскомъ предмѣстьѣ.

Чловѣкъ этотъ не военный, но между тѣмъ носитъ усы, шпоры и сохраняетъ въ своей фигурѣ что-то воинственное.

Онъ не изгнанникъ, хотя синій застегнутый до верху сюртукъ заставитъ съ перваго раза принять его за Испанца.

Наконецъ онъ не негоціантъ, хотя непрерывно путешествуетъ изъ одного города въ другой, является въ знаменитѣйшіе коммерческіе дома и обладаетъ всѣми достоинствами странствующаго прикащика.

Чловѣкъ этотъ дѣйствительно странствующій прикащикъ; но въ чемъ состоитъ его промысль? Гдѣ его бумаги, заемные письма, обращения? Открывъ его чемоданъ, мы находимъ толь-

ко черный фракъ, черные брюки, бѣлую жетку и нѣсколько паръ лакированныхъ сапоговъ. Какого же рода можетъ быть занятіе этого страннаго существа? Чего ему нужно? Какая причина частыхъ его путешествій? Какое занимаетъ онъ мѣсто? — Какое мѣсто! Ему стоитъ только показаться въ любомъ домѣ, чтобы быть принятымъ съ распростертыми объятіями; ему стоитъ произнести одно слово и — все падаетъ ницъ передъ нимъ.

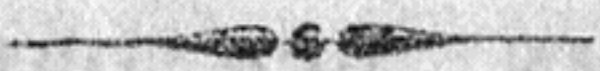
Слово это — полька, а нашъ путешественникъ — странствующій прикащикъ, торгующій полькою.

Его должность состоитъ въ томъ, чтобы предлагать уроки польки всѣмъ и каждому за условленную сумму, и какъ будто отъ имени котораго нибудь изъ знаменитыхъ парижскихъ танцмейстеровъ.

Онъ впрочемъ не принадлежитъ ни одному изъ нихъ, и также охотно обучаетъ методъ одного, сколько способу другаго. Лабортъ, Корали, Селаріусъ — ему все равно; онъ пользуется ихъ именами, смотря по обстоятельствамъ, а бо-

лѣе всего по благоусмотрѣнію. Что же касается до права, обычаевъ и частной жизни этого типа, они остались еще неисчерпанными. Человѣкъ этотъ родился тридцати лѣтъ. Что онъ дѣлалъ до появленія польки? — Право трудно рѣшить! Теперь у него есть положеніе въ свѣтъ, онъ путешествуетъ изъ одного города въ другой, никогда не остается въ каждомъ изъ нихъ болѣе трехъ дней и, какъ говорятъ, зарабатываетъ не мало денегъ. Кроме этого, онъ пользуется большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ, распространившій польку почти во всей Франціи».

За тѣмъ, вотъ еще исторія, рассказываемая тѣмъ же авторомъ о другомъ туристѣ; исторія, которая, при быстромъ распространеніи польки, можетъ повториться и у насъ на Руси, и которая, слѣдовательно, можетъ быть даже полезнымъ предостереженіемъ нашимъ провинціальнымъ мамъкамъ и ихъ невиннымъ дочкамъ, — чему мы душевно радуемся... Она называется:

X.

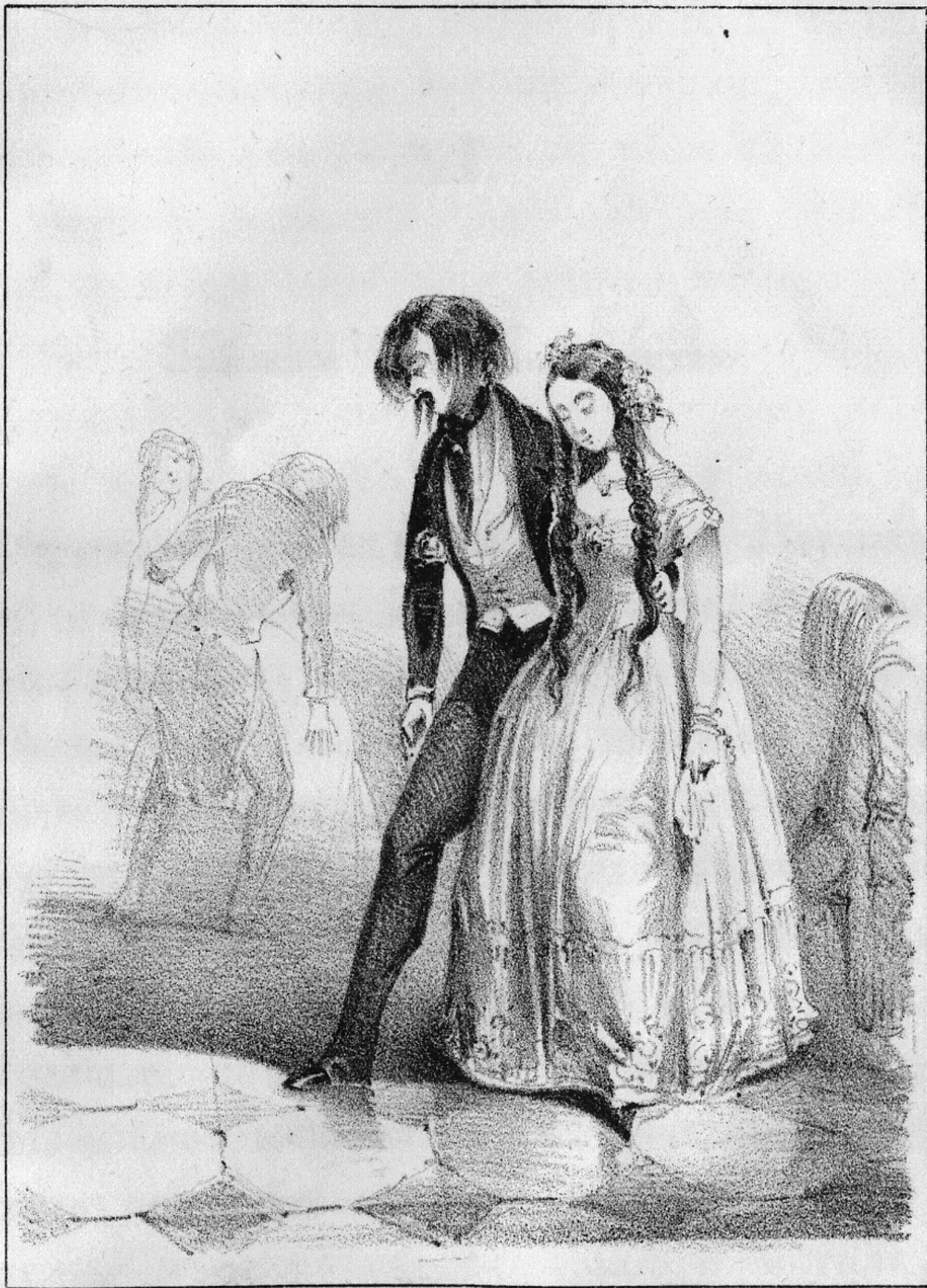
Полькеръ — туристъ.

Полька создала еще одинъ типъ, довольно замѣчательный по своей оригинальности; типъ этотъ — полькеръ — туристъ. Полькеръ — туристъ не что иное, какъ молодой левъ съ бульвара Ганда, имѣющій порядочное состояніе, довольно лоснистыя бакембарды, и который думаетъ найти въ модномъ танцѣ новыя средства къ очарованію прекраснаго пола, не парижскаго, но провинціального. Цѣль путешествій та же полька, но отнюдь не распространеніе ея; онъ, напротивъ того, питаетъ сильнѣйшую ненависть къ странствующему прикащику полькисту, и старается по возможности вредить ему. Въ надеждѣ поразить новизною, онъ проникаетъ во всѣ

провинціяльные салоны и изошряетъ всѣ свои знанія и ловкость, чтобъ посредствомъ польки очаровать какую - нибудь провинціяльную даму, или, что еще лучше, провинціяльную невѣсту.

Послѣ этого весьма - понятно, почему полькеръ - туристъ питаетъ непримиримую вражду къ странствующему прикащику, который въ его глазахъ опаснѣйшій соперникъ и потому, прежде нежели пустится въ дорогу, онъ старается по возможности вѣрнѣе разузнать маршрутъ своего противника. Этого недостаточно; пріѣхавъ въ какой-нибудь городъ, онъ тотчасъ посылаетъ своего жокея въ контору дилижансовъ и отдаетъ ему приказаніе — тщательно развѣдать о пребываніи прикащика и принести ему подробное описаніе всѣхъ лицъ, вновь пріѣхавшихъ. Если полькеръ - туристъ узнаетъ о прибытіи врага, онъ тотчасъ же приказываетъ запрягать лошадей и мчится въ противоположную сторону.

КОНЕЦ , Ъ БАЛА . ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬКА .

Гос.
Публичная
Библиотека
Ленинград

XI.

Полька въ Петербургъ.

Огромные успѣхи польки въ Парижѣ не могли не отозваться въ Петербургѣ и не возбудить къ ней энтузіасмъ нашей публики. Все способствовало къ водворенію польки въ нашей столицѣ. Пассажиры, пріѣхавшіе прошедшею осенью изъ - за границы, вмѣсто обычныхъ разсказовъ, только и твердили о полькѣ; они съ необыкновеннымъ жаромъ говорили о впечатлѣніи, произведенномъ ею на парижское общество, описывали съ невыразимымъ восторгомъ балы, гдѣ танцуютъ польку и въ которыхъ сами участвовали, и наконецъ такъ много натоковали намъ о полькѣ, что невольно возбудили въ насъ сильное любопытство. Французскіе журналы, эти

европейскіе *Бобчинскіе* и *Добчинскіе*, еще болѣе способствовали къ тому, чтобы усилить наше любопытство; въ каждомъ почти номерѣ газеты писали о полькѣ, о владычествѣ ея въ парижскихъ гостивыхъ, театрахъ, за заставами а la chaumière, и на балахъ такъ называемыхъ «Мюваръ». Не было фельетона, гдѣ бы не превозносили до небесъ моднаго танца, гдѣ не сооружали бы ему памятниковъ при кликахъ народа. Согласитесь сами, что при подобныхъ возгласахъ одно только китайское или якутское хладнокровіе могло остаться непоколебимымъ. — Любопытство возрастало у насъ съ каждымъ днемъ и выражалось маленькими прыжками и тѣлодвиженіями, которые показывали до какой степени намъ хотѣлось хоть приблизительно достигнуть сокровенныхъ тайнствъ польки.

Старанія эти были однако тщетны, ибо выучиться танцовать польку по наслышкѣ — тоже, что искать въ Невѣ упавшій годъ тому назадъ червонецъ.

Около этого времени одному изъ артистовъ нашей французской труппы слѣдовало дать бе-

нефисъ. Обладая необыкновеннымъ даромъ пользоваться благопріятными обстоятельствами, онъ успѣшилъ выписать изъ Парижа водевиль, написанный по случаю польки и имѣвшій огромный успѣхъ на французской сценѣ. Можете себѣ представить восторгъ петербургскихъ жителей, когда афиша объявила имъ возможность насладиться всѣми прелестями давно ожидаемаго танца. Театръ былъ полонъ, публика была въ себя отъ радости. Полька превзошла ожиданіе.— Не смотря однако на это, публика долго еще не рѣшалась привести въ исполненіе любимѣйшую мысль, т. е. танцовать польку; аллюры молодой чужестранки были очаровательны, но показались нѣсколько вольны нѣкоторымъ, потому возбуждали нерѣшимость въ самыхъ страстныхъ ея поклонникахъ.

Быть можетъ, весьма долго продлилась бы эта нерѣшимость, еслибъ Александринскій Театръ, дагерротипъ французскаго, не представилъ на судъ публики свою польку.

Публика наша, вообще равнодушная, за исключеніемъ извѣстнаго круга, къ спектаклямъ

Александринскаго Театра, стекалась со всѣхъ сторонъ въ Александринскій Театръ, чтобы видѣть польку, которую танцовали здѣсь самымъ приличнымъ образомъ и откинувъ все, чѣмъ могла оскорбиться чья бы то ни было шепетильность. Въ каждый спектакль польку повторяли два и три раза при грохотѣ рукоплесканій; артисты были вызываемы неоднократно; словомъ, полька Александринскаго Театра произвела общій энтузіасмъ. Полька Александринскаго Театра, отличаясь отъ французской изящнымъ выборомъ фигуръ по вкусу большинства, сдѣлалась вскорѣ общимъ образцомъ и разрѣшила прежнюю нерѣшимость публики. Теперь въ каждомъ почти домѣ, мало того въ каждомъ семействѣ танцуютъ польку, позабывъ совершенно кадрили, мазурки и вообще всѣ танцы, восхищавшія до того времени поклонниковъ Терпсихоры. — Самые заклятые антитанцоры не могли остаться равнодушными передъ обольстительными аттитюдами польки, и хотя съ горемъ по поламъ, но все таки предаются теперь капризнымъ ея требованіямъ. Не станемъ говорить о молодежи, тѣснящейся ка-

ждодневно въ такъ называемыхъ танцклассахъ; полька производитъ на нихъ то же дѣйствіе, что тарантелла на Италіанцевъ: они рѣшительно готовы заплясаться до смерти. Полька успѣла даже разшевелить людей самыхъ невозмутимыхъ и оказывавшихъ во всѣхъ случаяхъ жизни необыкновенное хладнокровіе. Со времени ея владычества произошелъ въ Петербургѣ довольно значительный переворотъ. Теперь молодые чиновники, желая угодить столоначальнику, не освѣдомляются болѣе у него о ходѣ дѣлъ, предписаній, здоровья, а спрашиваютъ только — танцуетъ-ли онъ польку, или по крайней мѣрѣ видѣлъ ли онъ какъ ее танцуютъ? Наши барышни выбиваются изъ силъ въ своихъ будуарахъ, чтобы превзойти другъ друга въ великомъ искусствѣ танцовать польку и блеснуть при первой оказіи новыми своими знаніями; соберутся ли 2 или 3 человѣка, ужь никакъ не обойдется безъ того, чтобы не принятыя за польку; нерѣдко даже случается, что въ уединенной комнаткѣ, гдѣ раздавались прежде скрипъ пера да храпенье, слышится теперь неистовое прито-

пываніе, припрыгиваніе, иногда и паденіе владѣльца, что повергаетъ привыкшаго къ спокойствію лакея въ совершенное изумленіе. Вліяніе польки распространилось даже въ самыя отдаленныя части города: ни одни именины, рожденіе и крещеніе на Выборгской и Петербургской не обходятся безъ польки; но, Боже! что это за полька! вы тутъ можете увидѣть все вмѣстѣ: и галошъ, и мазурку, и вальсъ, и наконецъ чортъ знаетъ что такое. Въ каждомъ семействѣ, гдѣ есть барышни, даютъ непременно уроки польки; маменьки вообще находятъ, что полька необыкновенно способствуетъ къ развитію физическихъ способностей дочерей, къ приданію имъ ловкихъ пріемовъ и граціи. Гдѣ бы вы ни были, куда бы вы ни пошли, всюду толкуютъ вамъ о полькѣ, объ очаровательной полькѣ. Мотивы «Луціи» и «Соннамбулы» замѣняются мотивами польки; меломанія замѣтно переходитъ въ полькоманію. Дѣйствительно, полька заслуживаетъ произведенный ею энтузіасмъ; наша публика, засидѣвшаяся на мѣстѣ (что, впрочемъ, какъ увѣряютъ врачи, чрезвычайно вредно при пе-

тербургскомъ климатѣ), по крайней мѣрѣ нашла теперь случай выйти изъ своего сидячаго усыпленія; кромѣ того, полька способствуетъ къ образованію вечеровъ, баловъ, пикниковъ, которыми мы что-то чрезвычайно бѣдны въ нынѣшнюю зиму; полька какъ-то оживила Петербургъ и потому одному заслуживаетъ величайшую нашу признательность.

Еслибъ полька успѣла завлечь нашихъ любителей преферанса и отклонить ихъ хоть нѣсколько отъ сокрушительнаго картобѣсія, то вполне оправдала бы высокое свое значеніе и по всей справедливости удостоилась бы не только энтузіасма, но даже памятника!

ПРАВИЛА ПОЛЪКИ.

Коресграфія на.

Такъ какъ *на* польки есть принадлежность всѣхъ фигуръ, то мы ограничимся изложеніемъ его разъ навсегда. — Оно состоитъ изъ 4-хъ приемовъ.

1-й приемъ: лѣвая нога подымается до зарожденія икры правой ноги и потомъ скользитъ на каблукъ въ то время, какъ туловище слегка подпрыгиваетъ на правомъ носкѣ.

2-й приемъ: правая нога подымается къ лѣвой.

3-й приемъ: лѣвая нога снова выступаетъ впередъ; только на этотъ разъ каблукъ долженъ сильнѣе обозначить тактъ.

4-й приемъ: наконецъ, правая нога заносится за лѣвую на высоту икры лѣвой ноги.

Всѣ эти приемы должны связываться одинъ съ другимъ.

Дама исполняетъ тѣ же самыя приемы, съ тою только разницею, что всегда начинаетъ съ противоположной ноги кавалеру.

При отступленіи назадъ соблюдаются тѣ же правила:

1-й приемъ: слегка подпрыгиваютъ на лѣвомъ носкѣ, занося правую ногу назадъ и поднимая ее на высоту шести вершковъ.

2-й приемъ: лѣвая нога придвигается къ правой.

3-й приемъ: правая нога снова отодвигается.

4-й приемъ: наконецъ поднимаютъ лѣвую ногу и закидываютъ ее, какъ прежде, за правую.

Послѣдній этотъ приемъ связывается съ первымъ приемомъ послѣдующаго *па*.

Ф И Г У Р Ы.

Національная полька состоитъ изъ слѣдующихъ 10 фигуръ. Только пять изъ нихъ исполняются въ нашихъ гостиныхъ.

- 1.) Променадаъ.
- 2.) Вальсъ.
- 3.) Вальсъ въ обратную сторону.
- 4.) Винтообразный вальсъ.
- 5.) Богемскій *па*.
- 6.) Перемена рукъ.
- 7.) Богемскій *па*, въ которомъ переменяютъ руки во время вальса.
- 8.) Движеніе рукою.
- 9.) Дѣлая движеніе рукою, обращать свою даму.
- 10.) *Passé double*.

1-я ФИГУРА.

Променадаъ (прогулка).

Кавалеръ беретъ правою рукою лѣвую руку дамы и подымаетъ ее на грудную высоту; ис-

ПРОМЕНАДЪ .

С.
ичная
Гиб. котека

Ленинград

полная первый приемъ, онъ нѣсколько опускаетъ ее и поворачивается въ лѣвую сторону; при четвертомъ же приемъ онъ, напротивъ того, поворачивается къ своей дамѣ, причемъ руки ихъ снова поднимаются.

Есть впрочемъ еще променада, не менѣе употребительный: кавалеръ беретъ даму за талию, какъ бы для галопа, и держитъ правою рукою лѣвую ея руку. Тогда они исполняютъ тотъ же променада, впередъ или назадъ, какъ имъ заблагоразсудится.

2-я ФИГУРА.

Вальсъ.

Кавалеръ беретъ даму какъ для обыкновеннаго вальса и исполняетъ *па*, — предписываемый для польки. — Въ этой фигурѣ должно по возможности избѣгать прыганья и движеній, обозначающихъ тактъ музыки; такъ по крайней мѣрѣ предписываетъ г. Корали.

3-я ФИГУРА.

Вальсъ въ обратную сторону.

Кавалеръ беретъ даму какъ для обыкновеннаго вальса, съ тою только разницею, что прижимаетъ ее къ себѣ несравненно болѣе. Онъ посылаетъ лѣвую ногу назадъ и обозначаетъ оба приѣма правою, поворачивается потомъ на той же ногѣ и быстро привлекаетъ къ себѣ даму.

4-я ФИГУРА.

Винтообразный вальсъ.

Кавалеръ становится противъ своей дамы какъ для вальса и исполняетъ *па*, начиная всегда съ лѣвой ноги. Подходя или отступая отъ своей дамы, онъ заставляетъ ее перегибаться съ права на лѣво и съ лѣво на право.

Иногда кавалеръ беретъ свою даму, какъ показано въ прилагаемой картинкѣ, и дѣлаетъ только различныя перемѣны рукъ.

ВИНТООБРАЗНЫЙ ВАЛЬСЪ .

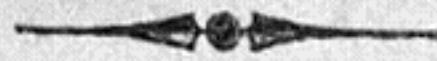
5-я ФИГУРА.

Богемскій па.

Кавалеръ исполняетъ *па*, держа даму какъ для вальса; но при четвертомъ приѣмѣ, вмѣсто того, чтобы поставить ногу, какъ то дѣлается обыкновенно, онъ вытягиваетъ ее, ставитъ каблукъ, потомъ подымаетъ его и продолжаетъ такимъ образомъ *па*.

Этотъ *па* одинаково исполняется и при отступленіи назадъ.

Здѣсь оканчиваются фигуры, принятые въ нашихъ гостинныхъ; что же касается до другихъ фигуръ польки, то онѣ довольно сложны и слишкомъ трудны. Кроме того, онѣ требуютъ довольно серьезнаго изученія и оправдываютъ пословицу: *игра не стоитъ свѣчь*.

Афоризмы.

— Кадриль соответствует сангвиническимъ характерамъ, галопъ желчнымъ, вальсъ холерическимъ, а полька есть исключительная принадлежность людей нервическихъ и страстныхъ.

— Полька не есть танецъ для молоденькихъ дѣвушекъ; онѣ слишкомъ сухи, неловки; для польки нужна женщина отъ 20 до 30 лѣтъ, словомъ, настоящая женщина.

— Какъ въ женщинѣ, такъ и въ мужчинѣ, полька требуетъ могучаго, горячаго сердца.

— Покажи мнѣ, какъ ты танцуешь польку, и я скажу тебѣ, какъ ты любишь.

— Не танцовать польку съ женщиною, которую любишь, — блаженство, сравнительно съ необходимостію полькировать съ ненавистною дамою.

— Хорошіе полькеры образуютъ хорошихъ полькистокъ.

— Женщина, у которой одинъ только полькеръ, всегда почти думаетъ, что она не кокетка;

БОГЕМСКІЙ ПА .

Гос.
Публичная
Библиотека
Ленинграде

та, у которой ихъ нѣсколько, воображаетъ, что она только кокетка.

— Большая часть женщинъ болѣе знакома съ своими полькерами, нежели съ своими мужьями.

— Полькеры виноваты, что женщины ненавидятъ другъ друга.

— Случай создаетъ полькистку.

— Умреть любовь, умереть и полька.

— Начало и окончаніе любви выказываются болѣе всего въ неловкости, съ какою танцуютъ польку мужчина и дама.

— Должно полькировать прежде нежели быть любимымъ, изъ опасенія умереть не танцовавши польку.

— Полька есть подстрочный переводъ любви. Первая фигура, называющаяся прогулкою или променадомъ, требуетъ непременно кокетство, грацію и скромность; это первое свиданіе двухъ любовниковъ, внезапно встрѣтившихся подъ аллеями парка: медленное одушевленіе такта музыки, выражаетъ въ то же время радость и смущеніе.

ніе, ощущаемыя любовниками. Вторая фигура... но вы можете закончить сравненіе сами..

— Любовь, поэзія, свобода, вотъ три слова, вполне выражающія польку.

К о н е ц ъ .

